

На правах «отдельного оттиска»

Петров П.Н., 2006. Памяти Г.Н. Горностаева // Entomology Info: http://entomology.ru/main_menu/news/20060424.htm

© 2006, **Петр Петров**

119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, биологический факультет, кафедра энтомологии
http://entomology.ru/main_menu/persons/pages/petrov.htm

Памяти Г.Н. ГОРНОСТАЕВА

24 апреля 2006 года Г.Н. исполнилось бы 70 лет. Не так много, а умер он в 63. И все же он прожил долгую жизнь и многое успел сделать.

Г.Н. известен любителям природы, прежде всего, как автор двух замечательных справочников о насекомых нашей страны — "Насекомые СССР" (из серии "Справочники-определители географа и путешественника") и "Насекомые" (из серии «Энциклопедия природы России»). Эти справочники содержат сведения о самых обычных, широко распространенных, важных для экономики и охраняемых видах насекомых. Кроме того, в них даны характеристики почти всех современных отрядов и многих семейств насекомых. Вторая книга, подготовленная на основе первой — не только справочник, но и учебник энтомологии для начинающих, а также определитель, позволяющий определять представителей большинства видов насекомых фауны России до семейства, а некоторых — до подсемейства, до рода или до вида. Цветные таблицы с изображениями насекомых из книги "Насекомые СССР" (художники Г.А. Бабаянц и В.А. Гансон) для второго издания подправил и дополнил Владимиром Сочивко. Часть цветных таблиц он нарисовал для второго издания заново. К несчастью, издательство «АВФ», выпустившее книгу, не смогло обеспечить высокого качества передачи цвета и деталей цветных рисунков.

Подготовка демонстрационного материала к Большому практикуму.
Г.Н. Горностаев и Л.И. Федосеева.
1980-е годы.

На полевых практиках по энтомологии в МГУ и в некоторых других учебных заведениях используют составленный Г.Н. «Определитель отрядов и семейств насекомых». Г.Н. всегда напоминал студентам, что достоверно определить насекомое до вида может только специалист по той группе, к которой это насекомое относится. Другое дело — определение до семейства. Грамотный энтомолог должен хорошо представлять себе облик представителей хотя бы основных семейств насекомых, уметь узнавать их в природе и, при необходимости, определять любое насекомое до семейства в лаборатории. Впоследствии, если есть необходимость точно узнать вид или проверить правильность своего определения до вида, нужно обратиться к специалисту по данному семейству насекомых.

Г.Н. состоял в комиссии по исчезающим и редким видам Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Его перу принадлежат многие статьи о насекомых в нескольких «Красных книгах». В издании «Итоги науки и техники» Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ) опубликована его обобщающая работа о проблемах охраны насекомых.

Кандидатская диссертация Г.Н. была посвящена лету насекомых на свет. Результаты его исследований по теме диссертации опубликованы в виде большой статьи в томе трудов Всесоюзного энтомологического общества. В этой работе Г.Н. обсудил объясняющие лет на свет гипотезы различных авторов (это, прежде всего, Ж. Леб, В. Будденброк, В. Людвиг, В.Б. Чернышев, Г.А. Мазохин-Поршняков) и выдвинул собственную комплексную гипотезу, обобщающую и корректирующую достижения предшественников. Ее суть сводится к следующему. Летящие на сравнительно большие расстояния насекомые по ошибке используют искусственный источник света в качестве ориентира вместо вечерней зари. В силу особенностей их ориентации при полете, они постепенно приближаются к источнику света достаточно близко, чтобы почувствовать неладное. После этого насекомое пытается сбежать из неестественной ситуации, но при попытке к бегству стремится на свет — указатель открытого пространства — подобно тому, как залетевшая в комнату муха бьется в оконное стекло. "Свет по сравнению с темнотой пустота" (как пронизательно заметил Набоков устами своего героя), и в эту пустоту насекомое тщетно пытается вылететь, оказываясь в плену у лампы — ложного выхода на простор.

Помимо гипотез о причинах лета на свет, в работе Г.Н. обобщены и проанализированы данные множества публикаций, посвященных лету насекомых на свет и касающихся этой темы, и собственные данные Г.Н., полученные в ходе многочисленных опытов по сбору летящих на свет насекомых. Насекомые необычайно разнообразны (науке известно более миллиона видов), поэтому энтомологи обычно специализируются на какой-либо узкой систематической группе или области энтомологических исследований. Во всем мире есть лишь немного энтомологов, которые на высоком уровне разбираются в насекомых из разных систематических групп, хорошо представляют себе насекомых в целом. Г.Н. был одним из этих редких людей. Отрадно, что его знания хотя бы отчасти сохранились для нас в его книгах.

Г.Н. был также одним из немногих (в наши времена) биологов, владеющих старым международным языком науки — латынью. Латынь вышла из моды, и новым международным языком науки стал английский, но латинские научные названия живых организмов остались. Чтобы понимать эти названия и уметь ими грамотно пользоваться, необходимы хотя бы начальные знания латыни. Прекрасным пособием для каждого биолога, стремящегося ликвидировать свою безграмотность в этой области, может стать книга, написанная Г.Н. в соавторстве с Н.Н. Забинковой и Н.Н. Каденом.

Нам, выпускникам кафедры энтомологии МГУ, Г.Н. особенно дорог как учитель — то есть человек и преподаватель. Мы учились у него на полевой практике в Пушкино-на-Оке, на кафедральном большом практикуме и на лекционном курсе лесной энтомологии.

Пушинская кафедральная практика по энтомологии, которую мы проходили в июне 1997 г., была не совсем обычной полевой практикой, по двум причинам. Во-первых, она проходила не совсем в полевых условиях, а в городе и его ближайших окрестностях. (Это едва ли удивит тех, кто бывал в Пушкино, но для остальных требует пояснений. Пушкино — город совсем небольшой. Из дома, в котором мы жили, можно за несколько минут дойти до лесов, полей и реки.) Во-вторых, обычно на полевых практиках преподаватели водят студентов на экскурсии, а мы ходили самостоятельно. Г.Н. не мог ни далеко, ни быстро ходить после давно перенесенного инсульта, но он прекрасно знал окрестности города и рассказывал нам, куда мы должны пойти, рисовал небольшие схемы — и мы отправлялись на экскурсию сами, и находили намеченные Г.Н. точки, где можно было поймать интересных насекомых. Например, Г.Н. рассказывал, как найти несколько отдельно стоящих сосен, на стволах которых можно поймать верблюдок — насекомых редких и необычных. Справедливости ради надо признаться, что верблюдок мы так и не поймали, но студенты предыдущего курса рассказывали нам, что они оказались более удачливы (или лучше ловили). Это произвело на них большое впечатление: Г.Н. уже много лет не видел этих сосен, но по его описанию они без труда нашли и сосны, и обещанных редких насекомых.

Большой практикум, значительную часть которого (посвященную двукрылым и перепончатокрылым) вел Г.Н., мы проходили в 1997–1998 учебном году. Здесь, в отличие от пушинской практики, где мы определяли насекомых только до семейства, мы уже учились определять до вида, под руководством специалистов, из которых главным (на наш взгляд) и как бы символом большого практикума был Г.Н. Еще на пушинской практике он воодушевил нас, сказав, что человек, успешно прошедший большой практикум нашей кафедры, может считать себя энтомологом — к чему мы все и стремились. Не могу забыть один эпизод, казалось бы, неприятный, но я почему-то вспоминаю его с радостью. Однажды, подойдя к столу Г.Н. со своей коробкой, чтобы сдать результаты определения очередной порции насекомых, я уронил в коробку шариковую ручку, и несколько экземпляров мух и комаров были поломаны. Я ужасно расстроился, особенно оттого, что так плохо показал себя перед Г.Н., и мои одногруппницы стали меня утешать (ничего страшного, с кем не бывает...). Но Г.Н. был рассержен: «Не надо его утешать! Нельзя так обращаться с материалом!» Почему меня радуют эти воспоминания? Да и тогда, кажется, меня как будто утешили его слова. Наверное, на меня произвело впечатление, что Г.Н., очень добрый человек, так рассердился из-за поврежденных насекомых. Было ясно, что он от души возмущен небрежным обращением с его любимыми насекомыми и хочет, чтобы мы тоже любили их и обращались с ними бережно.

Лекционный курс лесной энтомологии Г.Н. разработал сам, и многие годы читал его студентам кафедры. Мы слушали этот курс в первом семестре 1998–1999 учебного года, и оказались последней группой, которой он успел этот курс прочитать. Откровенно говоря, я не особенно интересуюсь лесной энтомологией, но лекции Г.Н. было очень интересно слушать.

Г.Н. был искренним человеком, легко смеялся и легко сердился. Душой он был несколько не старше нас, студентов, несмотря на свой солидный возраст, обширные познания и физическое нездоровье. Состояние его здоровья в последние годы было тяжелым, и он жил и работал только благодаря бодрости своего духа и поддержке жены, Генелины Викторовны Фарафоновой.

Хотя Г.Н. родился уже в советскую эпоху, он был как будто представителем старой русской интеллигенции, сродни великим отечественным энтомологам прошлого, о которых мы знаем уже только из литературы, таким как Георгий Георгиевич Якобсон и Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Студенты, аспиранты и сотрудники кафедры всегда обращались к Г.Н. за советами по поводу разнообразных насекомых и по вопросам, связанным с латынью. Он был душой нашей кафедры, и с его смертью мы сильнее почувствовали, как много он значил для нас. Но нам повезло, что мы застали его, учились у него, и, кажется, чему-то научились.